

Юлия ДОБРОВОЛЬСКАЯ

**ЖИЗНЬ
КАК НЕПРЕРЫВНАЯ
ЧЕРЕДА
ЧУДЕС И АНГЕЛОВ**

роман

Юлия Добровольская

**Жизнь как непрерывная
череда чудес и ангелов**

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Добровольская Ю.

Жизнь как непрерывная череда чудес и ангелов /
Ю. Добровольская — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Когда понимаешь, что нет несчастий и врагов, а есть лишь чудеса и ангелы, что нет предначертанной судьбы, а есть лишь осознанный выбор, что нет случайностей, а есть лишь путеводные сигналы – тогда жизнь становится ростом, а не увяданием, и смерть – продолжением, а не концом. Героями этого романа в диалогах являются зрелые личности, не сломленные, не разрушенные пережитыми драмами, но обратившие жизненный опыт во благо собственного роста и научившиеся отделять зёрна от плевел, истину от её суррогатов, а любовь от игрищ замороженного эго.

© Добровольская Ю., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Юлия Добровольская

**ЖИЗНЬ КАК НЕПРЕРЫВНАЯ ЧЕРЕДА
ЧУДЕС И АНГЕЛОВ**

Роман

*Ваша боль оттого, что ломается оболочка,
скрывавшая вас от понимания вещей.
Джебран Халиль*

*Мы все друг другу ангелы.
Н.Д. Уоли*

1.

«Как я могла забыть телефон?.. Это же... это же мой орган... я ж без него никуда... и, как всегда это бывает, в самый неподходящий момент – когда я почти опаздываю, когда меня ждут! Он сказал, что припарковался за углом, мест нет, и там штрафуют, я знаю... а мне сейчас нужно до низу доехать, потом снова подняться на двадцать второй этаж, открыть дверь двумя ключами, отыскать телефон, закрыть дверь двумя ключами, вызвать лифт – в час пик!.. дождаться... спуститься вниз, обежать огромное здание, отыскать в стаде железных скакунов неброский синий форд... Хотя неброский как раз в этом стаде отыскать будет раз плюнуть, там паркуются исключительно *свои*, а у всех *наших* лошадки, естественно, одна другой краше... всё больше светлый металллик да чёрный лак... да сияют так, что сразу понятно: не под окном хрущёвки ночь провели, а в тёпленьких стойлах со всеми удо... Приехали, слава Богу...»

Она выждала, пока все вышли. Затем выждала, пока направившийся было в кабину мужчина решил сперва выпустить её, потом понял, что выходить она не желает, полуулыбнулся ей, вошёл, нажал на кнопку двадцать четвёртого этажа – куда это он в конце рабочего дня, подумала она, – потом нажал кнопку запуска снаряда, а она протянула руку и нажала свой этаж, а он снова полуулыбнулся, извиняясь, и они рванули ввысь.

Он стоял спиной к ней. Она прямо за ним. Поэтому не видела его лица в зеркальных дверях и смотрела на его ладную спину в тёмно-сером плаще. Из-за ворота на полсантиметра выглядывает шёлковое кашне классической расцветки в тон плаща: с тёмно-синими мелкими загогулинами вроде турецких огурцов и крапинами жёлто-бежевого и светло-серого. Волосы волнистые с едва заметной сединой. Опрятные. Стрижка грамотная. Длиннее, чем обычно носят клерки. Стоит свободно, руки в карманы, ни признака нетерпения или просто деловитости. Лучится какой-то лёгкостью, свободой, игривостью даже... Да, лучится – прямо в пространство. Спиной.

Это рассматривание его ею ровным счётом ничего не значило. Так – любовь... даже можно сказать, страсть к наблюдениям любого рода и гипертрофированное эстетическое восприятие мира и всех его представителей...

Из сумки на плече раздалось «Lui razzo di lei...» – тем самым голосом, который до нутра пробирает... женщин, во всяком случае. Живых, конечно, женщин... племянник качнул позавчера, когда она заикнулась, что подседа на днях на эту песенку...

Вовка нервничает:

– Ну где ты?.. Меня сейчас убивать будут! Или припрут, потом не выберемся...

– Я телефон забыла в кабинете... – И она как рассмеётся...

Вовка ничего не понял:

– Какой телефон?.. А я куда попал?.. Скоро ты?

– Скоро, скоро...

Лифт тренькнул хрустальными бокалами, полными красного – почему красного?.. – вина, остановился и распахнул свои широкоформатные зеркала.

Мужчина отошёл, пропуская даму.

Дама зашлась смехом.

– Спасибо, я не... мне не сюда... мне вниз...

Она протянула руку к кнопкам. Но джентльмен уже нажимал на пуск, и дама зацепилась за рукав его плаща своим громадным кольцом на среднем пальце – это был оправленный в серебро зелёный шлифованный булыжник с вкраплениями рубинов – Вовка из Индии привёз в подарок.

– Извините... ради бога, извините...

– Пожалуйста...

«А голос, как у этого... ну, который, собака, с ума по ней сходит... нет, не по *ней*, а по какой-то там другой... в ящике её не показали – кружились вокруг какие-то, но, похоже, ему они до лампочки... а *та* за кадром осталась... ну и правильно, зачем нам *она*, мы лучше будем думать, что это по нам с ума сходит вот этот... собака, как хорош... в смысле, *этот* как хорош... и тот, хорош, конечно... но тот далеко, в ящике... в Италии... а этот – вот он, даже тронуть можно...»

Снова стон бокалов. Остановка.

Джентльмен полуобернулся к даме, ещё раз полуулыбнулся:

– Всего доброго. – Такой голос... чуть... самую малость в нос... словно вчера только насморк закончился...

– Вам тоже... – Она всё ещё смеялась.

Вовка был зол. Ну, насколько он умеет это. А он не умеет. Поэтому просто чмокнул её, а потом буркнул:

– Опаздываем, милочка...

– Подождут! – Она всё ещё веселилась по поводу приключения в лифте с телефоном. И с джентльменом.

– Нам ещё в два места завернуть нужно, за двумя коробками...

– Не бухти, успеем!

«Хм... Если б не Вовка и его неуместная парковка, я бы выследила, куда это он и к кому...»

2.

«Как было бы здорово, если бы пришлось ждать... Долго. Долго-долго... Чтобы опоздать с концами. Конечно, это выход только на сегодня... А потом?.. А потом – всё сначала... каждый раз одно и то же... Оправдываться, объясняя каждый свой шаг, словно школяр, выкручиваться из подозрений... Надо кончать. Лучше уж одному. Вообще одному. Да я и так знал это...

Коридор длинный – хорошо. Вот бы ещё ждать пришлось...»

Но ждать ему не пришлось. Ждали его. Учтиво демонстрируя каждый листок, вложили аккуратные красивые бумажки в прозрачные папочки, прозрачные папочки подшили в непрозрачную тёмно-синюю папочку – они запомнили мой плащ, подумал мимоходом он, или у них других не бывает? – и вручили ему весь пакет документов с милой улыбкой.

Он поблагодарил, вышел в коридор – совершенно пустой, длинный, как бесконечное отражение самого себя в пространстве, застеленный сине-серым ковролином, – и направился к лифту.

Мелкие досады последних дней... недель, пожалуй даже... как тараканы, почуявшие остатки роскошной трапезы и уверенные в том, что некому будет им помешать устроить теперь своё пиршество, ибо свет погашен – воля отключена – выбирались из уголков души и сознания. Да, помешать будет некому. Он больше не может себя сдерживать. Он устал. Он, в конце концов, должен позволить и себе расслабиться. Не всё же ей спускать себе с рук.

«Нервы!.. У неё нервы!.. У неё, видите ли, наследственное. Да ещё ранена в детстве – папы не стало в её нежном возрасте. А как папа маму бьёт, тебе не доводилось видеть?..»

Он твёрдо решил опоздать, сославшись на очередь, на отсутствие кого-то нужного и важного... решил дать себе послабление и сел в рекреации в глубокое кресло. Он смотрел в окно на небо.

«И что меня толкнуло?.. Молодая, весёлая... фигня! Ну вот не дура – это да. Вот на этом и повёлся. Поговорить, типа, есть о чём. Ребёнок, типа, взрослый, одиннадцать лет, самостоятельная, рассудительная девочка, без мамы встаёт, без мамы ложится, уроки без мамы... Бабушку обременять не хочет, будет жить дома... – вот такие нынче дети бывают... Хотя, я сам таким был.

Да. Детей, значит, рожать не будем. Это хорошо. Карьера увлекает – хорошо. Умная – хорошо... Что там ещё?.. А, веселиться умеет – тоже неплохо. Истеричная – плохо. Все плюсы враз замазались одним большим минусом...

Ладно, это всё о ней. А ты-то сам – что? Ты что, сразу не разглядел?.. Зачем приручал?.. Зачем увязал в этом во всём? Польстило её благоговейное отношение к тебе, взрослому, стоящему на всех четырёх ногах мужику? Папу ей напомнил!.. Да, ты, кажется, едва ли не ровесник её папы... Она, вероятно, решила, что ты и капризы её и истерики, как папа терпеть будешь... умиляючись...

Пятница убита в зародыше... А погода какая! Так и шепчет... Сейчас бы куда-нибудь за город, в чей-нибудь большой дом, в гудящую компанию полунезнакомых людей. Надраться... Кого-нибудь подцепить...»

Он передёрнулся, словно от отвращения. И пришёл в себя. Усмехнулся.

«Надраться... подцепить... Не смейся, чувак! Ты ж всегда на невышибаемом предохранителе. У тебя ж всё под контролем...»

Телефон в кармане плаща тижо тренькнул. Она – кто же ещё! Можно попробовать угадать её настроение. Но это всё равно, что в рулетку ставить на чёт или нечет, на красное или чёрное – шансы один к одному. И никогда по-другому. На чём бы ни расстались, когда бы ни расстались, что бы ни ждало, куда бы ни собирались – всегда один к одному. Так что, можно не напрягаться: неожиданностей не будет – или съехавшая с катушек стерва, или беззащитный котёнок... Бррр... Он же терпеть не может кошек! Стерва тоже...

Он подержал в руке телефон. Отключить? Знает, что по делам пошёл, занят. Пусть разозлится посильней, он тогда тоже позволит себе...

– Да?

3.

– Ты что злой? Из-за меня, раззявы?

– Я не злой.

– Рассказывай!..

Вовка явно был не в духе. И пробки уже обозначились – не успели за кольцо выскочить, теперь протолкаемся, пока до воли доберёмся...

– Давай, я поведу?

– Сиди!

– Сижу.

Она решила расслабиться и попредвкушать.

Но что-то покалывало, поцарапывало и мешало, как крошечная заноза, к которой не подступиться ни с какого боку... Оно мешало ещё до того, как она села в машину, до того, как вошла в лифт, до того, как попрощалась с последним коллегой, до того, как... Да, звонок дочери.

«Мамуль, я сегодня ухожу... Ты не могла бы?.. – Я сама ухожу. – Ну ты же не до утра! – До утра понедельника. – Ты что, нарочно!? – Доча, я не нарочно. У Вовика с Олей сегодня... – Я тебя часто прошу о чём-то? Часто?! Нет, ты скажи, я тебя часто собой обременяю? Твоей внучкой? Часто? Скажи!..»

Всё. Сюда уже не вступишь... Не вступишь ни слова. Говорить ей о том, что можно было бы заранее предупредить... вопрос несложный, решаемый, и не за час до конца рабочего дня его поднимать надо... Понятно, всякие неожиданности случаются, можно было бы...

Закончилось всё криком, бросанием трубки... Сейчас, правда, трубки не бросают – дороговато обходится... это вам не советского образца телефон, об который хрястнешь, а ему хоть бы что – словно рассчитан исключительно на выражение зашкаливающих эмоций...

Ладно. Милочка – девочка замечательная. Как советский телефонный аппарат. Крепкая. Закалённая. Всё всегда понимающая...

«Ну вот, теперь по Милочке плакать будем... Тогда уж с мамочки её начинать нужно...»

– Что?..

– Что грустишь, говорю.

– Да так.

4.

– Почему ты решила сказать мне это по телефону? Мы же встречаемся через час.

Он не находил в себе силы – и не хотел находить! – на деликатный тон.

– Меня распирало! А ты что, не рад?

– Как долго тебя распирало? Ты же не сегодня об этом узнала.

– Не сегодня... – Она всё ещё ласковая мурмурочка. – Так ты рад?

– Ты же знаешь моё отношение к таким делам.

– К таким делам?! Ребёнок – это не *такие дела*! Это новая жизнь! Это... это наше с тобой продолжение!

Всё. Вопросов больше нет. Можно только замолчать и слушать. Или не слушать.

– Что!? Что ты молчишь?! Что ты молчишь, я спрашиваю!

– Дай мне подумать.

Он спокоен, как ни странно. Просто отстранённо спокоен, словно не его это касается. Как в детстве бывало: что-то с кем-то или у кого-то случилось, все в ажиотаже, по потолку бегают, а тебя словно отключили... и надо бы влиться в общий фон, но не получается, и стоишь-сидишь-идёшь, ругаешь себя за бесчувствие...

– Подумать?! А о чём ты думал?..

«Божемой... И эту женщину ты называл умной?.. *О чём ты думал, когда барахтался со мной в постели?* Шедеврально! Классика жанра!.. Оперетта. Мыльная опера. Сериал. Сериал из четырёх с половиной серий – четырёх с половиной месяцев отношений. Надеюсь, конец фильма?.. Нет, по логике в финале должно прозвучать что-нибудь вроде *козёл, кобель...*»

– Вы все скоты! И ты не лучше!.. Слышишь?!

«*Скотина, животное. Угадал.*»

– Что ты молчишь?!

– Я попросил дать мне время подумать.

– А мне что делать?! Что мне делать?!

– Тоже подумай.

– Подумать?! О чём?! Всё уже произошло! Ты что, не понял?!

«Она поёт хорошо, у неё глубокий грудной голос... но как же гадко она им орёт!..»

– Ты что, не понял?! Всё уже произошло!

– Ещё ничего не произошло. Ещё есть время подумать. И думать надо спокойно. И такие де... такие вопросы не по телефону решаются.

«Странно, мечтал разозлиться, а не получается... спокоен, как дохлый мамонт подо льдом...»

– А что тут думать?! Дело сделано!

– Ну что ты несёшь? Ты слышишь себя со стороны? Какое дело?.. Ты что, так любишь детей, что перед тобой вопроса не стоит?..

«Можно было бы напомнить про заброшенную дочь... Но это не в моём стиле... Да и не слышит она ничего. Она никогда ничего не слышит. Кроме демонов внутри себя... Какой там котёнок!.. Демоны. Один как есть – бес, а другой ангелом прикидывается... так по какой-то прихотливой очерёдности и дежурят...»

– Сволочь! Вы все сволочи! Скотина!.. – Гудки отбоя.

«Отлично. Чем хуже, тем лучше. Может, правда, остаться скотиной? Уже заклеямили – чего пыжиться, обратное доказывать?.. Да и не докажешь – там уж что решили, что постановили, тому и быть во веки веков, и аминь. Слава богу, с мамой не успели познакомиться! Слава богу!.. Кажется, это мероприятие намечено на следующие выходные – у мамочки день рождения. Слава богу!..»

Он поднялся и подошёл к окну.

Внизу разбухшие от натуги вены города прокачивают сквозь себя наадреналиненную жизнь мегаполиса, утомлённого пятью рабочими днями. Сегодня эта жизнь устремилась за пределы камня, на волю, на очнувшуюся от холодных снов землю, к двум выходным... к трём ночам и двум дням относительного покоя... какой покой, покой им только снится... скорее, к деятельности на пониженной скорости. Короткий дауншифтинг.

Зря он не взял машину... Впрочем, в ресторан он на машине никогда и не ездит. Не пить в ресторане – глупо. Ещё глупей ехать потом, рискуя... Он хоть и не умел напиваться до потери... даже до притупления контроля. Но инспектору-то особенности твоего организма до лампочки: пили? – пил – ваши права. И правильно! Не положено – значит, не положено... Пьяному от водки – нельзя. А пьяному от горя?..

«Стоп! стоп... не начинай... Всё прошло. Ничто просто так не происходит, ты это усвоил уже...»

Звонок.

Сестра.

– Да, Антош...

Он направился к лифту.

«Отлично!.. Спасительница ты моя. Сейчас встретимся, отключу телефон до утра понедельника. Пусть все действующие лица этого милого водевиля крепенько подумают над происходящим: кому что нужно в жизни, как жить дальше... А может, некоторые и думать не станут – выключат свои распухшие от дум мозги... Глядишь – и придёт решение. В тишине, без шебуршащих нудных тараканов и суесящихся крикливых маргышек... Решение-то уже пришло. Оформить только нужно, чтобы озвучить.»

В лифте, ему показалось, застряла пара-тройка молекул духов той весёлой дамы, что проехала вниз-вверх-вниз. Редкий парфюм, не для всех... А ей он идёт...

«Отлично! То, чего и хотел: незнакомая компания, какое-то веселье. Антошкин муж в командировке неожиданной со вторника, а по протоколу, дама только с кавалером. Отлично... И ведь даже в голову не пришло отказать... То, что ресторан накрылся, яснее ясного – проходили, знаем... полночи уговаривать-успокаивать, наутро идиллия... потом, дома уже – тошнота моральная, которую дела по работе классно душат... решение завязывать поскорее... потом опять звонок...»

Звонок.

Ну, разумеется, кто бы сомневался...

Он сбросил вызов и вышел на улицу.

5.

– О чём думаешь?

– Ой, не начинай...

– Давай, давай! Я тебя должен доставить в блеске, а не в думах.

– Вов. Вот что с ней делать?

– С кем?

– С Танькой.

– Ты думаешь, с ней ещё что-то можно сделать?

– Ты прав... Тридцать два года...

– Что случилось?

– Ай... даже не хочется пересказывать... Всё то же.

– У неё, вроде, кто-то появился?

– Да. Очередной... бедняга... Плохо, что я так про дочь родную...

– Ну ты же уже решила один раз.

– Решила! Люблю! Люблю! Принимаю. Терплю. Помогаю...

– Большого ты для неё сделать не сможешь. Ты же понимаешь это. Отпусти все эти мучения. Отпусти. Не изводись...

– Я понимаю... Но вот не прозрачная я иногда становлюсь... Она мне как напоминание о матери. Настолько это во мне засело... просто впиталось в меня... Я все эти годы, словно в детство своё ныряю. Танька меня туда каждой своей выходкой – мордой... мордой... я захлёбываюсь, понимаешь? Мне удаётся отдышаться день-другой, а потом снова. Мать и дочь – два самых родных существа... и обе – пытка для меня. Это же не дело... так нельзя жить...

– Тебе нужен мужик. Сразу забудешь и маму, и дочку.

– Порекомендуй!

– Дурёха... Расслабься ты! У тебя в твоём стеклянном небоскрёбе полно мужиков. И все не дураки... ну или есть среди них не дураки...

– Вот сидишь и чушь молотишь!

– Это я чтоб не заснуть...

– С таким-то движением?! А ты что, не спал?..

– Спал...

Звонок.

– Легка на помине... Танька. Да, Танюш! ... Перестань! ... Ну что ты всех изводишь! ... Таня! Перестань, я умоляю... – Гудки отбоя.

– Что ещё?

– Собирается выпить все свои таблетки... Вов, останови!

– Мы и так почти стоим. Только ты не выберешься отсюда. Мы ж на крайней левой... А если и выберешься, что ты сделаешь? Сколько можно? Ты же понимаешь, что это показательное выступление...

– А если на этот раз нет?

– Её право. Оставь. Отпусти.

– Я понимаю... Я уже говорила ей не раз... – Она набрала номер. – Не берёт трубку...

Господи, как же она измоталась... Таня! Танечка. послушай... Послушай меня...

– Танюша, привет! Это Володя. Ты можешь меня сейчас послушать? Отлично!.. Что ты пьёшь?.. Водка это иногда хорошо... Пей и слушай. Твоя мама – моя единственная сестра. Я её очень люблю... Я знаю, что ты знаешь. А ты знаешь, что я тебя тоже люблю?.. Отлично. Так вот, я люблю много кого на этом свете, но я никогда и ни за что не стану вмешиваться в судьбу кого бы то ни было. И не вмешивался... Да, сказала... А как ты думаешь, она тут в обморок падает, а я спокойно на это смотреть буду? Попытался калёным железом, вот и сказала... Слушай, Танюша. Если твоя мама, моя сестра, решит, что ей надоело жить, я не стану держать её силком там, где ей плохо. Я, конечно, постараюсь сделать всё, что смогу, для того, чтобы помочь ей – если она попросит... или если я пойму, что она нуждается в помощи... но привязывать её к кровати, если она вдруг захочет полететь с крыши, я не стану... Плачь, если плачется... Это иногда очень хорошо... Что?.. Ты?.. И ты рада?.. Интересная реакция однако – таблетки пить... Ах, вот как... Но это осознанный шаг?.. У тебя есть время подумать, да?.. Хорошо... Ты настаиваешь?.. Высморкайся. Настаиваешь?.. Ну вот, видишь, какая ты умница, знаешь, что я не смогу выполнить... нет, смогу, конечно, но мне будет очень трудно... Спасибо, моя хорошая. Целую тебя...

Он отдал трубку.

– Танечка...

– Она отключилась. В смысле, телефон отключила.

– Что там?

– Ты всё слышала...

– Что там у неё?..

– Выпила водки, ляжет спать.

– Не уверена...

– А ты возьми и помолись.

– Молюсь. А что она там тебе говорила?

– Ты слышала.

– Что там про осознанный шаг?

– Захочет, скажет. Если это вообще-то, правда...

– Что? Ну говори!

– Ну вот, выбрались за кольцо... Двадцать минут, и мы на месте.

– Что она тебе сказала?

– Что ляжет спать.

– А ещё?.. Вова!

– Успокойся...

– Набери мой номер.

– Зачем?

– Набери.

Он взял свой телефон, нажал кнопку быстрого набора.

Она слушала, как этот... который собака, так беззастенчиво хорош со своим хриплым голосом... да небритой физиономией...

– Господи... так бы и сказала.

И он, засмеявшись, сбросил вызов и нажал кнопку на панели.

Она вывела громкость на предел.

Такси, как ни странно, подвернулось сразу.

«Хороший знак...»

Он назвал адрес сестры – недалеко совсем – а дальше, не знаю, сказал, дальше куда-то за город, за кольцевую. Водитель, было, заартачился, ему к восьми домой нужно. Сошлись на том, что, если ему не в ту сторону, он высаживает его по первому адресу и – свободен.

Тоню не пришлось ждать, она прогуливалась у выезда из двора.

Оказалось, водителю как раз туда и нужно, в деревню, следующую по курсу за их местом назначения.

«Тоже хороший знак... Всё наше странствие по жизни – от знака к знаку. Только в детстве мы эти знаки безошибочно отличали один от другого: какой ангелом поставлен, какой фальшивый – а потом нас *думать* научили вместо того, чтобы чувствовать... и мы скоро забыли всё, что принесли *оттуда*...»

– Да нет, Антошка, я не грустный... Задумчивый.

– Расскажешь?

– Вот приедем, надерусь, тогда расскажу.

Тоня засмеялась:

– Ты? Надерёшься?

– Есть такое страстное желание... Где твой Валик?

– В Стокгольме.

– Что на сей раз?

– Перестань... Интересно это тебе?... К тому же, коммерческие тайны мужа я не разбалтываю.

– Ну, ясно... А куда мы едем?

– Приедем, увидишь. А ты вырядился, как знал!..

– Это я одно мероприятие удачно на другое променял. Спасибо тебе.

– Тебе здорово хреново?

– Прорвёмся...

«Прорвёмся. Если через ад прорвались, через это недоразумение и подавно сможем... Главное зарубочку на носу... на лбу лучше – позаметней сделать... чтобы больше не вляпываться в фигню всякую... И нутро слушать, а не... да, а не пение гормонов... Гормоны под гармонь – как Сирены рулады выводят...»

Он засмеялся в голос.

– Ты что смеёшься?

– Да так... Не обращай внимания. Нервы... Чем там потчевать будут?

– Думаю, по высшему разряду. Там мне, кстати... в смысле, нам с Валентином комната выделена. Думаю, всем гостям. Так что, остаёмся ночевать.

– Как в детстве – в одной комнате...

– Да. Как в детской.

– А милая у нас детская была, да?

– Да...

– А что за публика? Бизнес?... Политика?..

– Богема.

– А ты каким образом туда угодила?

– Валик с хозяином когда-то в одном экипаже летал. Друзья по гроб, сам понимаешь.

– Надерусь сегодня... решено.

– Давай. Я хоть посмотрю на тебя... А то ни одного пьяницы вокруг. Скажи кому...

- Помнишь, в школе учили: нет ни одной семьи, которая бы не потеряла кого-то в войне. А теперь вот – ни одной семьи, которой пьянство не коснулось бы.
- Да. Я чуть ли не одна в классе была из семьи, где отец не пил.
- Это *твой* отец не пил... Я зато был из подавляющего большинства.
- Прости... я не хотела...
- Нормально всё. Твоё счастье, что ты маму только радостной видела.
- Можно я к тебе прижмусь? Обними меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.